

изложение сути его работы не описывает всей специфики творчества и взглядов философа, изложенных в данном трактате. Проведение более глубокого исследования творчества свт. Луки (Войно-Ясенецкого) могло бы быть полезным и интересным с точки зрения исследования русской религиозной философии XX в.

Библиографические ссылки на источники

1. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Popovsky/09.htm> (дата обращения: 05.03.2010).
2. Святитель Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 2006.

ХРИСТИАНСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ XX В.

Г. С. Рыжкова

*кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург*

Персонализм (от лат. «persona» – лицо) представляет собой одно из религиозно-философских течений XX в. и справедливо ассоциируется с христианством. Основателем данного течения считается американский философ и теолог-методист Б. П. Боун (1847–1910). Его идеи начали формироваться в 70–80-е гг., в 1908 г. он издал работу «Персонализм», в которой поставил личность – «субстанциональную самость» в центр своего учения. Незадолго до этого французский неокантианец, основоположник философии неокритицизма Ш. Б. Ренувье, издал в 1903 г. работу с тем же названием – «Персонализм». Используя терминологию Лейбница, предметом истинной философии он считал исследование свободной индивидуальной монадологической личности человека и Бога. За полстолетия до того «персонализмом» называл свое учение протестантский проповедник, философ и педагог А. Б. Олкотт, признававший главной задачей истинной философии обоснование веры в Бога как высшую творческую и целеполагающую Личность.

Идеи нового учения очень быстро распространились и в США и в Европе. Сложились национальные философские школы персонализма. В США – Б. П. Боун, Э. Ш. Брайтмен, Р. Т. Флюеллинг, там издавался журнал «Персоналист», пик популярности которого пришелся на 50–60-е гг. Во Франции от Ш. Ренувье до деятелей журнала «д’Эспри» (1932) Э. Мунье, Ж. Лакруа, М. Недонсея персонализм был весьма популярен. В России к течению персонализма принадлежали Н. А. Бердяев, Л. Шестов, Н. О. Лосский.

Это было широко известное и влиятельное направление в интеллектуальной жизни Европы, США и России, имевшее свои печатные органы, объединения и общества. Было бы неверно говорить, что персонализм угас в 50-е гг. Его идеи нашли свое дальнейшее развитие в учениях М. Шелера, В. Штерна, Х. Тилике, Р. Бультмана, В. Н. Лосского и многих других видных христианских мыслителей XX в. Именно тогда в Греции персонализм вошел в официальное богословие благодаря трудам Х. Яннараса и митр. Иоанна Зизиуласа.

Персонализм был непосредственно ориентирован на утверждение христианства, конфессионально был представлен как протестанскими (в основном в США), так и католическими деятелями философии и теологии (Р. Гвардини, Э. Жильсон). После Второго Ватиканского собора появились работы католических теологов, содержащими персоналистические идеи. Благодаря публикациям и выступлениям папы Иоанна Павла II богословская разработка идей персонализма получила значительный импульс. Влияние идей персонализма можно заметить и в православии. В этой связи возникает несколько предположений относительно надконфессиональности персонализма.

Во-первых, можно представить, что усилиями философов и богословов XX в. была как бы заново открыта некая объединительная идея, которая при известных обстоятельствах могла бы быть понята как своеобразный «общий знаменатель», база экуменизации христианства. Для этого требуется доказать, что идея личности изначально присутствовала во времена Христа и апостолов, или по крайней мере деятелей Церкви до Великого раскола в XI в. Подобные устремления имеются – в работах православных авторов [1; 2]. Священник Олег Давыденков, например, пишет: «Отождествив понятие лицо и ипостась, Капподакийцы не только упорядочили терминологию, но и ввели совершенно новое понятие, которого не знала история предшествующей богословской и философской мысли, понятие, которое мы именуем сейчас словом «личность» [1, с. 143]. Но, как известно, до определенного времени Европа не имела даже понятия «личность». Лишь в период с XV по XVIII вв. в новоевропейских языках появились слова, обозначающие личность: английское «personality», немецкие «Peronalität» и, французское «personalité», греческое «πρσωπικότητα». Русское слово «личность» появилось позже и оказалось заимствованным с Запада в конце XVIII – начале XIX в. На языке философской рефлексии идею личности удалось выразить И. Канту, обосновавшим принцип автономности личности. Понятие «лицо» («Person»), по Канту, недостаточно, чтобы доказать имеют ли мыслящие существа характер личности и осознают свое существование,

обособленно от мира. В «Критике практического разума» Кант определяет личность («Persönlichkeit») как лицо, возвышенное долгом, — «эмпирически определяемое существование человека во времени и совокупности целей... есть не что иное, как личность» [3, с. 414]. Позднейшее смыслообразование укрепило эту сторону в персонализме — автономность и самовыражение личности. Тогда как изначально в христианстве не рассматривалась автономия человека, его задача — составить из тех, кто «порознь члены», «тело Христово» (1 Кор. 12:27). Таким образом, у «личности» нет исконно христианских корней, это довольно позднее приобретение.

Во-вторых, христианский персонализм можно интерпретировать как влияние секулярного сознания, как отражение уже утвердившихся реалий Нового времени. По формированию смысла идея личности и порождаемых ею ценностей — свободы личности, прав личности, можно утверждать, что она сформировалась, возможно, ранее Канта на основе ренессансной идеи ценности отдельного человека — индивида, независимо от его отношения к Богу и вере. Был сделан шаг от христианского сознания в сторону постхристианской цивилизации (М. Фуко). Несомненно, этот процесс отхода не был безболезненным для той, и для другой стороны. В христианстве появились попытки диалога с секулярным сознанием — стремление объяснить сущность христианства в понятных, доступных для нового сознания категориях и удовлетворить желание говорить о христианстве в терминах, понятных современнику. Персонализм отчетливо выполняет данную функцию, хотя все еще не справляется с решением многих богословских вопросов. Христианство — это три доктринальные темы: Бог-Троица, Боговоплощение во Иисусе Христе и Церковь как продленное обоживающее действие Христа в мире. Очевидно, что персонализм пока не вписывается ни в одну из них. Например, уместно ли говорить о личности Святого Духа, или личность — Бог-Троица? Вполне ли корректны высказывания о личности в христологическом богословии? Какое отношение имеет Церковь к возвращению личности или это процесс самореализации и самоактуализации человека?

В-третьих, внутренняя диалогичность христианского персонализма имеет и определенный позитивный смысл. Персонализм открывает проблемное поле новых исследований, а именно религиозной антропологии и аксиологии, способных объяснить происхождение и сущность религиозного отношения человеку к миру и его состоятельность во времена «постхристианства».

Возможно, на основе христианского персонализма появится убеждение, что невозможно научить быть личностью, зато

возможно научиться уважать значимость и границы существования другого как самого себя. Понять, что ценности другого «я» имеют право на существование, если они не противоречат человеческой природе как свободно-разумному существу, что и составляет, с точки зрения христианства «образ Божий» в человеке.

Библиографические ссылки на источники

1. Давыденков О. Свщ. Догматическое богословие. М., 2005.
2. Иоанн З. Личность и бытие // Богословский сборник. М., 2001. № 10.
3. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: в 6-и т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1.

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИЙ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

О. В. Язовская

*магистрантка Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

В рамках японской культуры мы сталкиваемся с любопытной ситуацией религиозного взаимодействия, в основе которого лежит взаимодополнение и мирное сосуществование. Согласно исследованию Кати Триплетт [6] можно выстроить несколько моделей функционирования религий в японской культуре:

1. Ограничительно-иерархически выстроенные модели, характерные для второй половины XIX – начала XX вв. (эпоха Мэйдзи). В этот период произошло насильственное разделение религиозных традиций синто и буддизма, и культ Тэнно стал государственной идеологией.

2. Ограничительно-эгалитарная модель, существовавшая в период Эдо (XVII–XIX). В данный период особенно силен синто-буддийский синкретизм.

3. Интегративно-эгалитарная модель, которая основана на единстве и гармонии трех религиозных учений: синто, буддизм и конфуцианство. Тесный сплав этих религиозных доктрин, по мнению видного японского исследователя Мицухаси Такэси, выстраивается на протяжении всего периода развития японской культуры.

Катя Триплетт в общем виде разделяет эти модели на два вида: рестриктивные (ограничительные) и интегративные модели. Первые выстраиваются благодаря политике разделения тех или иных конфессий, вторые подчеркивают слитость религиозных направлений.